УДК 811.511.112 DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.048-057

ЛЮДИКОВСКОЕ НАРЕЧИЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

Родионова Александра Павловна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания ФГБУН «Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН» (г. Петрозаводск, РФ), santrar@krc.karelia.ru

Нагурная Светлана Викторовна,
кандидат филологических наук, ученый секретарь ФГБУН «Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН» (г. Петрозаводск, РФ), kov@krc.karelia.ru

Актуальность работы определяется сложившейся в Республике Карелия за годы ревитализации карельского языка языковой ситуацией, когда людиковское наречие практически оказалось на периферии ревитализационных процессов. Цель статьи – обозначить наиболее острые проблемы при нормировании языка людиков и наметить возможные пути их решения. Особенно проблематично то, что каждый диалект наречия имеет отличительные черты. Представленные материалы заинтересуют исследователей, занимающихся вопросами развития младописьменных языков, создания литературной нормы и кодификации.

В ходе работы использовались описательный, сопоставительный и верификационный методы. В качестве лингвистического материала представлены диалектные данные и примеры нормированного языка.

Очерчены основные проблемы в процессе нормирования людиковского наречия карельского языка и представлены некоторые возможности их решения.

Основной проблемой при нормировании людиковского наречия является то, что диалекты в нем значительно отличаются: влияние вепсского компонента на людиковское наречие происходило неравномерно на территории его распространения, более всего этому подвергся михайловский диалект. Диалекты имеют свои особенности и в лексике, и в грамматике, поэтому пособия, созданные на основе михайловского говора, не всегда принимаются носителями. Помимо исключительно лингвистических проблем при нормировании языка людиков не менее острой остается нехватка специалистов, которые в совершенстве владеют своим говором и совместными усилиями могли бы создать единую общелюдиковскую норму.

Ключевые слова: карельский язык; людиковское наречие; нормирование; унификация; диалекты.

Для цитирования: Родионова А. П., Нагурная С. В. Людиковское наречие карельского языка: проблемы становления литературной нормы // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 48–57.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках бюджетной темы АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте».

Введение

Процессы возрождения карельского языка, начавшиеся с середины 1990-х гг., практически не затронули людиковского наречия: письменность активно развивалась на собственно карельском и ливвиковском наречиях; на людиковском наречии издавалась только духовная и художественная литература. Язык людиков оказался на периферии ревитализационных процессов и сегодня слабо представлен в образовательном пространстве: не ведется его планомерное и систематическое преподавание. Далеко не позитивной предпосылкой для сохранения языка является и численность этноса. Согласно оценочным данным, людиков осталось не более 4–5 тыс. человек, причем только 300–500 из них являются носителями родного языка. Большая часть владеющих языком – представители старшего поколения. В настоящее время людиковское наречие карельского языка относят к языкам, которые испытывают серьезную угрозу исчезновения (severely endangered)[1].

В спасении и сохранении языка людиков, с одной стороны, заинтересованы

[1] См. об этом: http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap

© Родионова А. П., Нагурная С. В., 2018

сообщества и отдельные активисты, общественные организации, а органы власти готовы оказать институциональную поддержку. С другой стороны, возникают объективные и субъективные преграды. Существует определенный образовательный стандарт, только в строгом соответствии с которым изучение языка как предмета может быть начато в системе школьного образования. Серьезными препятствиями являются отсутствие специалистов, географическая дисперсность людиков, языковая неоднородность.

В то же время более чем двадцатипятилетняя история возрождения карельской письменности на ливвиковском и собственно карельском наречиях подтверждает, что поистине титанический труд по сохранению и развитию языка не напрасен. За время ревитализации, несмотря на различные проблемы, многое достигнуто с точки зрения обучения карельскому языку, расширения его функционального поля. Выросло поколение молодой карельской интеллигенции, не просто интересующееся родным языком и культурой, но и активно продвигающее вперед идеи по его спасению, сохранению и развитию.

Рассмотрим один из наиболее злободневных вопросов – проблему нормирования языка людиков. Диалекты людиковского наречия имеют значительные различия в плане лексики и грамматики. Для создания учебной литературы необходим унифицированный вариант, приемлемый для носителей разных говоров. Приведем примеры унификации грамматических норм при создании людиковского разговорника и написании текстов на людиковском наречии. Этот материал заинтересует исследователей, занимающихся вопросами развития младописьменных языков, создания литературной нормы и кодификации.

Обзор литературы

Фиксацию языка карел-людиков начали финляндские исследователи во второй половине XIX в. Собранный Ю. Куёла в начале XX в. материал лег в основу словаря людиковского наречия, который на сегодняшний день является наиболее полным лексикографическим изданием по говорам людиковского наречия[2]. Куёла определял людиковские говоры как отдельный прибалтийско-финский язык. А. Турунен классифицировал их в ареальном отношении [11].

Одним из авторитетных современных знатоков и исследователей языка людиков является М. Пахомов [9].

Из российских лингвистов прежде всего следует назвать А. П. Баранцева, который первым опубликовал образцы людиковской речи [1]. Классификация людиковских говоров и их особенности изложены в фундаментальной работе П. М. Зайкова [2]. Исследованием михайловского говора с точки зрения представленности в нем карельских и вепсских элементов занимается Н. Г. Зайцева [3].

Социолингвистической характеристике современной языковой ситуации с людиковским наречием посвящена коллективная монография А. П. Родионовой, С. В. Нагурной и Н. В. Чикиной [7]. Кроме того, в ней дан анализ литературы по теме и затронуты вопросы нормирования языка людиков.

Материалы и методы

При написании статьи были задействованы описательный, сопоставительный, аналитико-синтетический и верификационный методы. Верификация имеет значение для подтверждения грамматической правильности полученного в результате унификации норм языкового факта. В качестве лингвистического материала представлены диалектные данные и примеры нормированного языка. Языковые примеры отражают как особенности различных говоров людиковского наречия[3], так и формируемую на современном этапе унифицированную норму[4].

[2] См.: Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.

[3] Там же.

[4] См.: Русско-карельский разговорник (на людиковском наречии карельского языка). Ven'alaiskard'alaine paginsanakniig (lyydikš) / сост. Н. И. Ковальчук. Петрозаводск, 2017.

Результаты исследования и их обсуждение

Литературная норма

Под литературной нормой понимаются правила использования языковых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, правописания, словоупотребления, грамматики. Литературная норма фиксируется в нормативных грамматиках и словарях, обновляемых по мере изменений, происходящих как в самом языке, так и в оценке его средств со стороны общества. Значительную роль в ее становлении, поддержании и распространении играют художественная литература, школа, театр, пресса, радиовещание, телевидение и другие средства массовой информации.

Своеобразным антагонистом нормированного языка выступает диалект, отличающийся признаком региональной ограниченности. Диалекты развиваются стихийно, они не знают кодификации, но их норма бывает зафиксирована в научных трудах. Следует отметить, что «…в последние десятилетия отношение к диалекту как некоторому второсортному по сравнению с литературным языком явлению стало постепенно изменяться. Некоторые авторы говорят даже о “диалектных вспышках”. Процесс этот идет вплоть до формирования региональных литературных языков с ограниченными функциональными возможностями (преимущественно художественное творчество, радио и телевидение, личная переписка и др.)» [4, *194–195*].

Создание норм языка является частью языкового планирования. Термин «языковое планирование» ввел в употребление, опираясь на работы У. Вайнрайха, Э. Хауген. Он предложил опыт типологии языковых проблем, различая: а) выбор нормы; б) кодификацию нормы; в) внедрение нормы в языковое сообщество; г) приспособление языка к выполнению им новых функций [8, *8–21*].

Планирование развития литературного языка нередко связано с планированием создания письменности, включающего решение следующих вопросов: выбор диалектной базы, определение графической основы, составление орфографии, разработка принципов создания элементарной терминологической системы, определение предполагаемого объема социальных функций языка, сфер его применения, подготовка кадров, способных обучать этому языку, создание учебных пособий и другой литературы на этом языке.

Языковые нормы отражают определенный этап в развитии литературного языка, их нельзя ввести или отменить, их невозможно реформировать административным путем. Деятельность ученых-языковедов, изучающих нормы языка, заключается в другом – они выявляют, описывают и кодифицируют языковые нормы, а также разъясняют и пропагандируют их.

Младописьменный карельский язык и его кодификация

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи. На всей территории проживания карел он разделяется на три основных наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское, и более мелкие территориальные языковые единицы – диалекты и говоры. Собственно карельское наречие распространено в центральной и северной частях Республики Карелия, на территории нынешних Калевальского, Лоухского, Беломорского, Кемского, Медвежьегорского, Муезерского и Суоярвского районов. На собственно карельском наречии говорят также в Тверской и Ленинградской областях, к нему относятся тихвинский и исчезнувший валдайский говоры (последние носители которого ушли из жизни в 1990-е гг.). Собственно карельское наречие наиболее близко финскому языку. Ливвиковское наречие распространено на северо-восточном побережье Ладожского озера (в южных районах Карелии), оно включает в себя черты как собственно карельского, так и ряд особенностей вепсского языка. Людиковское наречие представляет собой промежуточное звено между ливвиковским наречием и вепсским языком и распространено террито-

риально восточнее ливвиковского наречия [5, *78*].

Младописьменные языки, к которым относится карельский язык, развиваются достаточно быстро, и, по мнению языковедов, период в десять лет уже требует пересмотра и дополнения лексических запасов, особенно в области терминологической и общественно-политической лексики[5]. Во многом подвергаются изменению и орфографические нормы языка, поскольку предусмотреть все правила правописания сразу невозможно.

Процессы возрождения карельского языка, начавшиеся около тридцати лет назад, практически не затронули людиковского наречия. Письменность активно развивалась на собственно карельском и ливвиковском наречиях. В 2007 г. был утвержден единый алфавит карельского языка, в 2014 г. в него была добавлена буква **С** для передачи одного из звуков людиковского наречия.

К настоящему времени на ливвиковском наречии опубликованы два академических двуязычных словаря: «Большой русско-карельский словарь – Suuri ven'a-karjalaine sanakniigu livvin murreh»[6] и «Большой карельско-русский словарь – Suuri karjal-ven'alaine sanakniigu»[7]. Русско-карельский словарь содержит более 20 тыс. слов, карельско-русский – около 18 тыс. Словари стали своеобразным обобщением фонетических и грамматических особенностей диалектов ливвиковского наречия, так называемой его усредненной нормой. В них вошла вся общеупотребительная лексика карельского языка, однако современные реалии потребовали обратить внимание и на создание общественно-политической, школьной лексики, а также лексики информационных технологий [6, *65*].

Что касается собственно карельского наречия, то в 2009 г. увидел свет диалектный «Словарь собственно-карельских говоров Карелии – Karjalan varšinaismurtehien šanakirja»[8], а в 2015 г. был издан словарь младописьменного языка «Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) – Venäjä-viena šanakirja» (около 15 тыс. слов)[9].

Создание больших двуязычных словарей свидетельствует о новом этапе языкового строительства, когда уровень развития и объем лексического тезауруса младописьменного языка «продиктовали» необходимость его лексикографической фиксации. Сложно переоценить важность создания таких трудов, ведь словарь закрепляет норму, а существование образца дает возможность укрепить язык, утвердить его письменную форму, что непосредственно находит отражение в процессах преподавания и овладения языком. Наличие письменного стандарта повышает статус карельского языка как в глазах его носителей, так и в среде тех, кто соприкасается с языковыми и этноязыковыми проблемами. Фундаментальное лексикографическое издание становится не только уникальной сокровищницей языка, но и действенным орудием проведения целенаправленной и научно обоснованной языковой политики [6, *65*].

Людиковское наречие карельского языка

Карелы-людики (самоназвание – *lyydilaižed*) традиционно проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. Территория проживания карел-людиков занимает примерно 200 км с севера на юг, от реки Суны до реки Свири, в меридиальном направлении протяженность людиковского ареала не превышает 50 км. В 1975 г. исследователь людиковского наречия Баранцев отмечал: «Эта цепочка находящихся иногда на значительном расстоянии друг от друга людиковских поселений, наиболее крупными среди которых являют-

[5] См.: Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Новый русско-вепсский словарь. Петрозаводск, 2007. С. 5.

[6] См.: Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 2011.

[7] См.: Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 2016.

[8] См.: Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.

[9] См.: Русско-карельский словарь (северно-карельские диалекты). Venäjä-viena šanakirja / сост.: П. М. Зайков, В. И. Каракина, М. А. Спицына, Н. Н. Архипова, Т. И. Медведева, Н. А. Пеллинен, И. П. Новак, Г. Е. Леттиева. Петрозаводск, 2015.

ся Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Юркостров, Тивдия, тянется с юга на север на 200–250 км и включает полностью или в значительной степени обрусевшие деревни Половина, Логмозеро, Нижние Виданы и Кончезеро» [1, *3–4*].

С точки зрения языка людиковское наречие относительно близко к ливвиковскому, но, в свою очередь, сильно отличается от собственно карельского, и очень близко к вепсскому языку. Свой язык карелы-людики называют *lyydin kiel*'. По мнению Пахомова, «…людики характеризуют свою речь как особый язык и называют себя *lüüdilaižet*: людики вполне осознают свою людиковскость – отличия от ливвиков и собственно-карел. В первую очередь это выражается в своеобразии людиковского языка. При этом в общении на людиковском языке не использовался по отношению к себе термин карел, а именно людик…» [9, *23*].

В ареальном отношении говоры людиковского наречия классифицируются по-разному. В исторической фонетике людиковских говоров Турунен классифицировал их следующим образом: 1) непосредственно людиковская группа говоров, ареал которой является наиболее устойчивым и компактным, поскольку в ней сохранилась наибольшая концентрация людиков, в которую входят среднелюдиковские говоры (говоры населенных пунктов Святозеро, Пряжа, Виданы), севернолюдиковские (говоры населенных пунктов Спасская Губа, Пялозеро, Уссуна, Тивдия, Ерши, Сопоха); 2) лояницкая группа говоров охватывает говоры деревень Михайловского сельсовета Олонецкого района (в настоящее время – с. Михайловское), в которых наиболее заметны параллели с вепсским языком; 3) сааван-пряжинская группа говоров (говоры д. Ниинисельга и части Пряжи), в которых выявляются близкие связи с ливвиковским наречием; 4) логмозерский говор, который существовал в д. Логмозеро, ныне исчезнувший; 5) заозерские говоры (расположенные вблизи станции Токари), имевшие в себе ярко выраженные вепсские черты, также практически исчезнувшие [11, *26–40*].

На сайте Института родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten keskus) говоры представлены следующим образом (гирвасский, койкарский, галлезерский, святозерский, ладвинский и михайловский)[10]. Финляндские исследователи территориально разделяют три группы говоров людиковского наречия: северную группу (или кондопожскую, охватывающую все деревни вплоть до Видан), среднюю группу (или пряжинскую, охватывающую Пряжу и Святозеро) и михайловскую, которую называют также южными говорами, так как в эту группу входил и заозерный говор.

В российской науке людиковские говоры классифицируются следующим образом: севернолюдиковский (кондопожский), среднелюдиковский (мунозерский), южнолюдиковский (святозерский) и михайловский диалекты людиковского наречия, каждый из них имеет свои языковые особенности [2, *27*]. Наибольшее количество особенностей людиковского наречия карельского языка представлено в святозерском говоре: переработка конечных гласных **а** в **е**; отсутствие качественного чередования ступеней согласных; сохранение звонких взрывных в начале закрытого слога в основе слова.

Михайловский диалект на фоне остальных говоров людиковского наречия сильно выделяется наибольшим наличием в нем вепсских черт. Это доказывается отсутствием чередования ступеней согласных, выпадением гласных внутри слова, сходством в оформлении лично-числовых и падежных форм. Зайцева даже предположила, что михайловские карелы могли бы быть в недавнем прошлом вепсами, которые подверглись воздействию со стороны карел-людиков и ливвиков. В статье «О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с. Михайловское» она подчеркивает особенность расположения с. Михайловского – не на территории Олонецкой равнины, а тяготеющего к территории Посвирья [3, *20–21*].

[10] URL: http://www.kotus.fi/index.phtml?s=343

Опыт нормирования языка людиков

Процессы ревитализации практически не коснулись людиковского наречия карельского языка. На нем с середины 1990-х гг. издавалась лишь духовная и художественная литература. В 1999 г. Н. Н. (Мийкул) Пахомов подготовил книгу для духовного чтения “D’umalan Poig” («Сын Божий»). В 2005 г. в Хельсинки увидел свет перевод духовных текстов на людиковское и ливвиковское наречия карельского языка “Ehtsluužb” («Вечерня»). В 2007 г. в Хельсинки вышла книга для чтения “Tervheks!” («Здравствуй!»). Среди стихотворных книг следует выделить “Tuohuz ikkunas” («Свеча в окне»), в которую вошли лирические стихотворения, поэма “Lyydimua” («Земля людиков») и стихи для детей. В 2000 г. Институт Снельмана (Финляндия) выпустил второй стихотворный сборник М. Пахомова “Lüüdiland” («Земля людиков»), а в 2010 г. был издан сборник “Ukon bembel” («Радуга»). Все названные произведения были написаны на михайловском (лояницком) говоре людиковского наречия, поскольку корни рода М. Пахомова уходят в с. Михайловское [7, *112–114*]. М. Пахомов в соавторстве с Л. Поташовой подготовили букварь[11], который до настоящего момента можно назвать лучшим учебным пособием на людиковском наречии карельского языка.

При поддержке Людиковского общества (г. Хельсинки, Финляндия) в 2005 г. был основан людиковский культурный ежегодник “Lüüdilaine”. В журнале публикуются материалы об истории и традициях отдельных людиковских поселений, новостях в культурной жизни людиковского сообщества, работе общественных организаций людиков и т. д.

Поскольку учебный материал для преподавания людиковского наречия практически отсутствует, издание отчасти решает и эту проблему – в помощь обучающимся предлагаются наглядно-дидактические материалы по грамматике, в частности особенностям употребления падежей, послелогов и т. д. Материалы публикуются на финском и русском языках, а также на людиковском наречии.

В 2008–2009 гг. в г. Петрозаводске издавалась газета “Lyydilaine”, учредителем которой стала молодежная организация «Триас». Тираж газеты составлял 700 экземпляров, вместо штатных сотрудников материалы готовили студенты и выпускники Петрозаводского университета. В газете освещались события, связанные с культурой людиков, поднимались вопросы обучения людиковскому наречию, печатались небольшие прозаические и поэтические произведения. Читателей также знакомили с людиковской грамматикой, различными разрядами лексики, в том числе общественно-политической и т. д. Редакция газеты писала: «Людиковский диалект карельского языка является младописьменным. У него совершенно отсутствует грамматика, что представляло большую сложность при подготовке газеты. К тому же почти в каждой людиковской деревне говорят по-своему, поэтому мы решили печатать тексты в том виде, в котором они существуют на каждом говоре»[12].

С 2012 г. газета выходит под новым названием – “Lyydilaine Sana”, учредитель – Карельская региональная общественная организация защиты прав и законных интересов карел-людиков «Карельский родник».

В одном из номеров газеты был опубликован перевод на людиковское наречие рассказа «Дверь» (“Uks’”), автор перевода – Н. И. Ковальчук, носитель говора с. Нюхово (михайловский диалект). В дальнейшем этот перевод был использован во время акции «Диктант на карельском языке», которая традиционно проводится в День карельской и вепсской письменности – 20 апреля, в 2017 г. диктант впервые писали и на людиковском наречии. Однако при подготовке текста к диктанту пришлось использовать его усредненную норму, изменять некоторые формы, свойственные говору д. Нюхово, на более распространенные в людиковском наречии.

Основной проблемой при нормировании литературной формы людиковского наре-

[11] См.: Pahomovan Miikul, Potašovan Lid’a. ABC-kird'. Kujärven lüüdin kielel. Helsingi, 2003.

[12] См.: Lyydilaine. 2009. № 5–7.

чия является то, что его говоры сильно отличаются: влияние вепсского компонента на людиковское наречие происходило неравномерно на всей территории его распространения, более всего этому влиянию подвергся михайловский диалект.

Попытки создания нормированного письменного языка для людиков были продолжены. В конце августа 2017 г. в издательстве «Периодика» увидел свет «Русско-карельский разговорник (на людиковском наречии карельского языка)»[13]. Составителем выступила Н. И. Ковальчук, прекрасно владеющая языком, за основу был взят михайловский диалект. Однако при редактировании издания (редактор – А. П. Родионова) пришлось использовать усредненную норму, включающую в себя фонетические и грамматические особенности разных говоров людиковского наречия. Унификация этих особенностей коснулась, в частности, следующих моментов.

1. При редактировании текста для диктанта при постоянном обращении к словарю людиковских говоров Куёла[14] было отмечено, что основа имперфекта в михайловском говоре отличается от других, в частности используется более древняя основа имперфекта.

До редактирования: *...**panii** sel'gale* ‘положил на спину’, ***panii** uksen petliihe* ‘поставил дверь на петли’.

Kj. ***panii-***, Sn-Lm, M, Lh, B, Kn, Ph *pani* ‘положил’.

Sn. ***pani***, D' ***pani***, B ***pani**n*[15], ср.: лив.[16] *häi **pani*** ‘он положил’.

После унификации: *pani sel'gale* ‘положил на спину’, *pani uksen petliihe* ‘поставил дверь на петли’.

До редактирования: *Akk **otii**...* ‘жена взяла’.

Sn, B, Td, Kš, V, SP, Ph ***oti**n* ‘[я] взял’, *häin **otti-*** ‘он взял’, Kj ***otii**n*, ‘[я] взял’ *häin **ottii*** ‘он взял’[17], ср.: лив. *häi **otti*** ‘он взял’.

После унификации: *Akk **otti**...* ‘жена взяла’.

2. Исправлено написание послеложного падежа комитатива, сформированного путем синтеза, т. е. присоединения послелога **kera** к генитивному окончанию **-n**: **-nke** < **-n** + *kera*; **kerda*> *kerd* > *ked* > *ke* [10, *58*].

До редактирования: *sinun ke* ‘с тобой’, *mužikan ke* ‘с мужем (мужиком)’.

После унификации: *sinunke*, *mužikanke*, ср.: *mužikanno* ‘к мужу (мужику)’ (аппроксиматив).

Можно предположить, что раздельное написание было продиктовано тем, что переводчик употребил послеложную конструкцию, но тогда и во втором случае должен был использоваться послелог **no** (**nu**), который употребляется носителями михайловского говора.

В дальнейшем при редактировании разговорника применялось слитное написание послеложного комитатива: *Himo**nke**!* «С удовольствием»[18]; *Olen ihastusiiš tuttavuuda sinu**nke*** «Я рад с тобой познакомиться»[19]; *Kene**nke** sina tuled?* «С кем ты придешь?»[20].

3. Местоимения *miä*, *siä* характерны только для михайловского говора, во всех остальных говорах используются соответственно *mina* (реже *minä*) и *sina* (*sinä*). При редактировании разговорника отмечено явление омонимии – составитель употреблял лексему *siä* в трех значениях: 1) ты; 2) погода; 3) место. Было принято решение употреблять в разговорнике следующие варианты: *siä* – ‘погода’, *sija* – ‘место’, *sina* – ‘ты’. Например: *Kutt **sina*** (= *siä*) *duumaad?*[21] «Как **ты** думаешь?» (первоначально было: *Kutt siä duumaad?*); *Huomen liinob paha **siä***[22]. «Завтра будет плохая **погода**»; *Omik täma **sija** d'oudav?*[23] «Это место свободно?» (первоначально было: *Omik täma siä d'oudav?*).

Разговорник по праву можно назвать первым целостным изданием, созданным с учетом грамматических и фонетических черт разных диалектов людиковского наре-

[13] См.: Русско-карельский разговорник (на людиковском наречии карельского языка).

[14] См.: Kujola J. Op. cit.

[15] Там же. S. 299.

[16] Здесь и далее: лив. – ливвиковское наречие карельского языка.

[17] Там же. S. 289.

[18] Русско-карельский разговорник (на людиковском наречии карельского языка). С. 15.

[19] Там же. С. 16.

[20] Там же. С. 18.

[21] Там же. С. 15.

[22] Там же. С. 30.

[23] Там же. С. 18.

чия. Ранее материалы разговорника публиковались в сети Интернет и в приложении к монографии «Людики: вопросы сохранения языка и культуры» [6]. Разговорник подготовлен по образцу аналогичных опубликованных справочных изданий на ливвиковском (составитель Е. В. Филиппова) и собственно карельском (Г. Е. Леттиева) наречиях карельского языка[24].

Впоследствии лексика разговорника оказала большую помощь при подготовке региональной программы дошкольного образования «Карельский, вепсский, финский языки в детском саду», в которую были включены материалы на людиковском наречии карельского языка. Программа разрабатывалась специалистами Карельского института развития образования и Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Главной проблемой при нормировании людиковского наречия остается тот факт, что говоры наречия имеют лексические и грамматические особенности. В связи с этим пособия, созданные на основе михайловского говора, не всегда принимаются носителями, например, севернолюдиковских говоров, и наоборот. Парадоксально, нормированный литературный язык стал главным «врагом» диалектов из-за стремления унифицировать, собрать воедино многочисленные языковые особенности.

Как поступить в дальнейшем? Язык должен развиваться, на нем должны выходить словари и учебные пособия. Какой говор взять за основу, чтобы можно было приступить к созданию линейки учебников на людиковском наречии карельского языка? – этот вопрос до сих пор не решен. Ситуация усугубляется тем, что людиковское наречие находится на грани полного исчезновения.

Надежным источником для исследователей людиковского наречия может служить корпус карельского языка, который был создан в ИЯЛИ КарНЦ РАН в 2016 г. на базе вепсского корпуса, – «Открытый корпус вепсского и карельского языков» (ВепКар)[25]. Карельский корпус включает в себя деление на три подкорпуса в соответствии с тремя основными наречиями. Сейчас решается вопрос о его пополнении как образцами речи, так и материалами из художественных источников. Что касается людиковского наречия, то вновь встает вопрос: какой говор взять за первооснову – михайловский или иной, какими текстами наполнять корпус?

Заключение

В случае с людиковским наречием карельского языка выбор диалектной базы для создания единой нормы затруднен в связи с наличием грамматических и лексических различий в говорах.

Помимо исключительно лингвистических проблем при нормировании языка людиков не менее остро стоит вопрос о нехватке специалистов, которые в совершенстве владеют своим говором и могут прийти к важному для людиковского наречия решению – созданию единой общелюдиковской нормы.

[24] См.: Филиппова Е. В. Русско-карельский разговорник. Петрозаводск, 2009; Леттиева Г. Е. Русско-карельский разговорник (на собственно карельском наречии карельского языка). Петрозаводск, 2010.

[25] URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru

СОКРАЩЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

(Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944)

B – Новоселовская (Bošinkylä = Possinkylä, Munjärven kunta)
D' – Декнаволок (D'ekunniemi, Munjärven kunta)
Kj – Михайловское (Kuujärvi, Paloniemi, Vaaženin kunta)
Kn – Кончезеро (Kenjärvi, Munjärven kunta)
Kš – Корташева Сельга (Kortaš = Kortassi, Kontupohjan kunta)
Lh – Спасская Губа (Lahti, Munjärven kunta)
Lm – Лижма (Lid'žmi = Lismi, Pyhäjärven kunta)
M – Мунозеро (Munjärvi kirkonkylä, Munjärven kunta)
Ph – Святозеро (Pyhäjärvi, Pyhäjärven kunta)
Sn – Уссуна (Sununsuu = Suununsuu, Munjärven lahti)
SP – Сааван-Пряжа (Soavan Priäžä = Saavankylä, Pyhäjärven kunta)
Td – Тивдия (Tiudia, Kontupohjan kunta)
V – Виданы (Viidana kirkonkylä, Šuojun kunta)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 280 с.
2. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 293 с.
3. Зайцева Н. Г. О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с. Михайловское // Вопросы финской филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. С. 15–21.
4. Крючкова Т. Б. Языковая ситуация в Республике Карелия: история развития и современное состояние // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. Москва: URSS, 2000. С. 168–197.
5. Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР. Москва: АН СССР, 1966. Т. 3. С. 61–80.
6. Нагурная С. В., Родионова А. П. Роль ученых Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в развитии современного карельского литературного языка // Linguistica Uralica. 2018. Vol. 54, iss. 1. С. 63–70.
7. Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры: исслед. и материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2017. 169 с.
8. Haugen E. Planning for a standard language in modern Norway // Anthropological Linguistics. 1959. Vol. 1, № 3. P. 8–21.
9. Pahomov M. Непризнанный народ: древний этнос Карелии : [о карелах-людиках] // Lüüdilaine: lyydiläisen seuran vuosijulkaisu 2013. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2013. С. 22–26.
10. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot. Uppsala: Studia Uralica Upsaliensia 22, 1992. 208 s.
11. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. S. 26–40.

Поступила 18.03.2018, опубликована 05.09.2018

LUDIC DIALECT: PROBLEMS OF CREATING OF THE LITERARY NORM

Aleksandra P. Rodionova,
Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), santrar@krc.karelia.ru

Svetlana V. Nagurnaia,
Candidate Sc. {Philology}, Secretary for Science, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), kov@krc.karelia.ru

The relevance of this article is defined by the revitalization processes in the Karelian language in the Republic of Karelia, when the Ludic language appeared on the periphery of it. The purpose of the article is to identify the most actual problems in the normalization of the Ludic dialect and to outline its possible solutions. The main problem remains the fact that each Ludic subdialect has its own distinctive features. This applies to both vocabulary and grammar. The presented materials will be of interest to researchers involved in the development of the newly written languages, the creation of a literary norm and codification.
The research employs descriptive, comparative and verification methods. The dialectal data and examples of the standardized language were used as linguistic data.
The article presents the main problems of norming the Ludic dialect of the Karelian language and some possibilities for their solution.
The main problem in the norming of the Ludic dialect is that its dialects are very different from each other while the influence of the Vepsian component on the Ludic dialect was uneven throughout the whole territory of its distribution, with the Mikhaylovskiy dialect at most. The dialects have their own distinctive features, which applies to both vocabulary and grammar. Therefore, the manuals created on the basis of the Mikhaylovskiy dialect are not always easily accepted by the native speakers. In addition to linguistic problems, the norming of the Ludic dialect is affected by the shortage of specialists who can speak their own dialect fluently and who could establish a literary norm of Ludic dialect in the joint effort.

Key words: Karelian language; Ludic dialect; norming; unification; dialects.

For citation: Rodionova AP, Nagurnaia SV. Ludic dialect: problems of creating of the literary norm. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 48–57. (In Russian)

Acknowledgment: Contributions to the research should be acknowledged to the support by AAAA-A18-118012490344-5 “Baltic-Finnic Languages of the North-West Russian Federation: linguistic research in sociocultural context”.

REFERENCES

1. Barantsev AP. Phonological Means of Ludian Speech. Leningrad; 1975. (In Russian).
2. Zajkov PM. The verb in Karelian language. Petrozavodsk; 2000. (In Russian).
3. Zaitseva NG. About correlation between Karelian and Vepsian elements in the vocabulary of the Mikhailovskiy dialect. *Voprosy finskoi filologii* = Questions of Finnish philology. Petrozavodsk, 1992: 15–21. (In Russian).
4. Kriuchkova TB. Language situation in the Republic of Karelia: the history of development and the current state. *Iazyki Rossiiskoi Federatsii i novogo zarubezh’ia: status i funktsii* = Languages of the Russian Federation and the New Abroad: Status and Functions. Moskva; 2000: 168–197. (In Russian).
5. Makarov GN. Karelian language. *Iazyki narodov SSSR* = Languages of the USSR. Moskva; 1966; 3: 61–80. (In Russian).
6. Nagurnaia SV, Rodionova AP. The Role of the Scholars of the Institute of Karelian Language, Literature and History in Revitalization of the modern Karelian Writing. *Linguistica Uralica*. 2018; 54; 1: 63–70. (In Russian).
7. Rodionova AP, Nagurnaja SV, Chikina NV. Ludians: the preservation of language and culture. Research and materials. Petrozavodsk; 2017. (In Russian).
8. Haugen E. Planning for a standard language in modern Norway. *Anthropological Linguistics*. 1959; 1; 3: 8–21. (In English).
9. Pahomov M. Unrecognized people. *Lüüdilaine. Lyydiläisen seuran vuosijulkaisu.* 2013: 23. (In Russian).
10. Tikka T. Vepsän suffiksoituneet postpositiot. Uppsala, 1992. (In Finnish).
11. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* Helsinki; 1946; 89: 26–40. (In Finnish)

Submitted 07.02.2018, published 05.09.2018